

Собачья порода

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Максим Волков

Ссылка на публикацию

До харчевни я решил идти часам так к девяти утра. До той самой харчевни, что недавно обосновалась у нас в переулке – прямо за окнами бюро. Утро было холодным, мерзким и весьма изнуряющим. К апрельскому холоду я не привык, и приходилось ежиться, уже с порога. Податься мне было некуда. Дела не трезвонили в колокол, а дома было прибрано и чисто: Половики разложены, столы начищены, стулья – каждый на своём месте. А горелку и газовый обогреватель я не включаю. Весной и летом они вроде, как не нужны, хотя летняя ночь иной раз настаивает и на том, что ей не свойственно, – просит немного тепла…. Но это дело поправимое, житейское! Однако, окинув взглядом комнатушку, я всё же направился в харчевню. К вечеру похолодало. Солнце светило, но как-то нехотя, тускло. Ветер задул — сперва тихо, потом злее и отрывистей, будто прочищал горло. Я шёл быстро, свернул на улицу Комилёва, и тут попал в шторм. Ветер налетел неожиданно, он выдувал из меня утреннюю дремоту. Я еле держался на ногах, и казалось, что вот, вот взметну ввысь, сквозь облака прорвусь, к небесному светилу. А там и до харчевни долечу. Но буря стихла, она исчезла вместе с пылью, и лишь вдали умерено свистит её могучий стан, кружась в эфире. Теперь я мог идти. Отпустив отбойник, что спас меня от бури, я медленно побрёл в забегаловку свою. На часах показалось девять, а вот недавно было шесть. И чувство времени мое утратило сноровку, видать их ветер сдул,… я сбросил пыль с часов и постучал по циферблату. — Сломались, — подумал я, горестно вздыхая. – А вот в харчевне сегодня суп с бараниной. Меня там знают, сбросят пару грошей. И вино недорогое, акция! И сервелат, тунец... Объедение! Настропалил себя, что в желудке давит. Пора признать, что ем я мало. Харчевня работала круглосуточно, придорожные кофейни славятся безвременьем. Еще в юные лета свои я гнал по мостовой, с большим грузом за спиной. Уходил на годы в дальние рейсы на своем старом, но еще живом самосвале. Этот автопром меня еще никогда не подводил, скрипел, но обгонял и фуры. В один из дней мне посчастливилось притормозить у перекрестка, где только, что построили придорожную кофейню, ту самую, что и сейчас работает. И вот прошло десятки лет, оно еще стоит. Но только её слегка подсократили. Тогда оно имело вес и внушительные габариты. А владелец мог бы стать, брокером имея перспективы. Но жизнь весьма непредсказуема, она сошьёт одно, другое на покрой распустит. Ему не повезло, он бросил дело. Низринул в пучину грёз, как говорится! Харчевней управляют местные дельцы, и чужие обыватели. И горестно осознавать, что ты идёшь туда, с надеждой вернуть былое, зная наперёд, что ничего не выйдет. Но повара отменные, там до сих пор готовят славно. Я спустился ниже, к железнодорожной станции. Любил ходить там вечерами среди ласкающих полутонов семафора. Время позволяло насытиться и

отсидеться. Переступая проложенные трубы, я зашагал уверенней и быстро. Мне страшно было медлить, я рисковал, здесь каждую ночь стонали рельсы, ходили целые составы, дрожала земля под тяжестью колёс, и словно отчуждённый ты озираешься по сторонам, чтоб не попасть под поезд. На полпути к заветной цели, там, где рельсы уходили в тупик, я услышал под вагонами лай и визг. Скулящий визг скользил по стали, и отдавался в тишине. Я насторожился, и обернулся в сторону вагона. Тоскливый лай все приближался, в ушах «горела», чья то боль. Я посмотрел налево, но тишина. Взглянул направо, там мрак чернел в пустом тоннеле. И, кажется, оттуда исходил протяжный лай. Я собрал все силы в кулак, и пошагал. Тьма обнажила бездну, и я проник в тоннель. У вагона спала собака. Белая, в чёрных пятнах, голубоглазая собака. Я мог её разглядеть, маленький семафор светил прожектором, и белый луч мерцал в тоннеле. Он падал на собаку, и превращал животное в призрачное существо, охраняющее покой тоннеля. Мне так казалось,… Я приблизился к ней, она оскалилась. Я отстранился, и посмотрел на зубы. Они бескровные, настолько белые и чистые, что мне стало не по себе. Глаза её слегка открытые, смотрели на меня безудержно и робко. Она боялась… не менее чем я. На теле я ран не обнаружил, побоев нет. Отсутствует ошейник, засаленная шерсть еле вздымалась от ветра. Душа моя потревожилась. При тщательном осмотре я обнаружил на задних лапах, скрестившуюся аномалию. Она родилась хромой? Или во время стычки повредила лапы? А может от тяжёлой, суровой жизни ей довелось лишиться обеих лап? - Ты тот, о ком я думаю? – Мелькнула мысль в голове, - ты Хаски? Породистая, белая овчарка. Волчья смесь? В детстве мне подарил отец похожую овчарку, с родимыми пятнами. Только мальчика, а эта… Он был игрив, сообразителен и умён. Настоящая волчья порода. Мой дед был ярым охотником, водился с волками в лесу, как с овчаркой в загоне. Исключение имел, на бурых не распускался. Дед невзлюбил его, и гнал собаку прочь со двора. Я успокаивал его, как мог, пока не получил свою награду в виде твердого обрубка. - Ух, порода! – Сурово выражался он, когда я бегал во дворе с собакой. Таская на руках её. «Сибирский волк» прожил у меня недолго, и, умирая, покинул дом. Как оказалось, он почуял смерть, и тайком ушёл в лес. Там и умер, не издавая звука…. Как оказалось это порода, что лежала у вагона в этот вечер, напомнило мне моего дорогого Хаски, которого я не уберег в детстве. Я попытался ему помочь, но он оскалился, и зарычал. Почему – то мне казалось, что это мальчик… Я отступил, и попытался снова. Но пёс рычал, и не давался. Мне пришлось покинуть тоннель, оставив его одного. Недовольный, хмурый и усталый я вышел в свет прожекторов. - Для них ты такой же местный обыватель, как и я. Лежи теперь, и помирай от скуки. – Сказал я прямо, без прикрас, входя в харчевню. …Собака сидела все там же под старым составом, уткнувшись носом в землю, и что-то рыла. Ржавый отблеск янтаря, что поглощал железные стены тоннеля, прятал утренний расцвет от посторонних глаз. Единственная хозяйка тоннеля,

гладкошёрстная собака, чувствовала себя в застенках, как у себя дома. Её не пугал устрашающий вид железнодорожной станции, ей здесь комфортно, хорошо. А мне вот страшно! Я постоял немного у семафора, и ринулся прочь, променяв железные пути на городские. До берлоги моей оставалось не меньше получаса. Путь удлинился, и мне стало тревожно на душе, тревога накатилось так внезапно, что стал я озираться. Может, кто идёт за мной?.. Но никого по следу не было. Встревоженный таким поведением чудес, я прибавил шагу. Пройдя автобусную остановку, и заходя в проулок. Я ощутил чужое присутствие…. Рядом со мною шагал тот пёс, он выбрался с тоннеля, и необъяснимо как, очутился рядом в погожий час. Учуял за версту меня! Я не на шутку испугался. - Уйди проклятый, забудь дорогу,… ты явно голоден, сейчас набросишься, и покромсаешь. Прибереги такую шутку Бог, отвадь меня от этого. Иди, иди…- взмолился я, не понимая, что сам и подзадориваю пса на развлечения. Хаски повеселел, он замотал головой, и запрыгал, как щенок. Озорничая и хватаясь за подол моего плаща, он силой останавливал меня. Требуя усердного внимания! Иногда из-под замерших, обледенелых глаз его, проступала искра живой, дышащей влаги. Она омывала его ровное, белесое лицо, и на миг мне показалось, что предстал передо мной, мой старый пёс, которого я в детстве так любил, и которого не стало спустя двадцать лет. И снова он, – зардело в мыслях, и я поколебался на пути. Солнце вспыхнуло за горизонтом, обогрело лучами, и скрылось за облаками. Всё вокруг на миг переменилось. - Неужели это ты? Мой Хаски… – вырвалось у меня невольно, и я заплакал. Утирая слезы, я шёл вперед, не оглядываясь по сторонам. Я хотел скорее добраться домой. …Пёс косо глядел всю дорогу, словно чем - то пресыщаясь, наполняя день чистой энергией, которая нас сплотила и обогрела. - Питаешься энергией, мой друг, - не без укора спросил я, - или ты жрать выпрашиваешь, ведя себя странно… У меня ничего нет, чего ты хочешь? Молчишь! Я сам как видишь не прочь заглотнуть баранину. Да пуст карман…. Ну что уставился, развеселился то, засеменил! Иди вперед или назад, откуда вышел. Шу, шу давай, под вагон, ну вали, вали отседа. Но сколько бы я его не гнал, он все становился уверенней, приподнимая морду, он лаял радостно и восторженно. Смелость его заставила взволновать мое сердце. И я затрепетал. - И шо, и шо мы хотим, ну? - Как - то нежно произнес я это "ну", и опомнился. – Что я делаю, он кто мне вообще? Бродячий пес, степной дворняга, чужак? А может вовсе потерялся, и ищут беглеца. Небось сидел, да охранял составы, а тут сбежал, да объявился у других. Не хорошо так поступать, дворняга! Иди к хозяину, и больше не сбегай. Но хаски запрыгнул на меня, и стал водить холодной мордой по моему лицу. А потом и вовсе облизал мне нос. Спустив его с себя, я направился в дом. Но пёс вцепился в плащ, и не отпускал. Гневаясь, я отшвырнул его в сторону, а сам забежал в дом. Открыл входную дверь, достал из морозилки кость и бросил напоследок. Пес понюхал кость, подержал в зубах и

отшвырнул в сторону с таким пренебрежением, что поразил меня до глубины души своим поступком. - Ты что с дуба рухнул, мясом тут швыряешься, ишь какой вельможа, сам впроголодь живешь, сколько не пройду под вагончиком одним и тем же мёрзнешь сидишь, стонешь от холода, воешь от скуки и голода. А тут на тебе, тьфу, еще кочевряжится, кочевряжится. Посмотрите-ка на него! Жрать хотел бы, съел! Больше я ничего не сказал, закрыл ставни, и погрузился в дремоту. Но мне не спалось, меня душила мысль. Неотвязная мысль! Что если этот пёс и вовсе не терялся, что если он принадлежит мне, и только мне? Я его взрастил, обучил и воспитал! И пока я, мучимый этой мыслю, боролся с дремотой, пёс сидел у ворот моего дома, и тихо скулил на уходящую весну. На листьях распускались почки, деревья зеленели в тишине. И по асфальту сбивались в кучу животворящие ручьи. Всё становилось неспокойно, мглисто. Сучья трещали на ветру, и пёс насторожился. Он поднял уши, и зарычал с отчаянным воем, пронзая густую пелену. Ночь подоспела быстро. Окутала туманом город, и небо стало тёмно-синим. Бледный лик луны спадал на черепицы старых зданий, возвращая первозданный вид. А пёс пробрался в оранжерею сада, которую я сам взрастил, и, притаившись в цветнике, пережидал расцвета. К утру, когда туман рассеялся и показался город, пёс услышал стук колёс, и, пробудившись, ринулся бежать по мостовой. Настигнув перевала, он бросился бежать к железнодорожной станции, в тоннель, где жил все эти годы. Перескакивая рельсы, Хаски то и дело озирался по сторонам, пугливо обнажая пасть. Он пробирался сквозь колючие преграды, и застревал в железных прутьях ограждения, теряя клочья шерсти на ходу. Семафор перебирал цветами, предупреждая об опасности. Но Хаски мчался так, что не заметил стук колёс. Огромный товарняк на полном ходу промчался мимо семафора, и Хаски не успел его опередить. Состав отбросил пса с путей, и животное покатилось в ров. Окутанный смятением и страхом, он заскулил от боли, и тяжело дыша, пополз вдоль ямы. Тело его судорожно билось, а лапы были перебиты. Он окровавленный дошёл до стен тоннеля, и рухнул замертво. Никто из машинистов не решился останавливать промышленный состав ради спасения собаки в угоду срокам. И поезд мчался прочь, скрываясь в густом дыму. Он пролежал там долго. Лишившись задних лап, собака неуклюже билась. До цели оставалось несколько шагов, но Хаски обессиленный и слабый не смог преодолеть этих шагов. Он высунул язык, хватая жадно воздух, и вскоре перестал дышать... ...Мысли держали меня в обороте, знобило так, что и не помню, как тогда я смог осилить эту дрожь, подосланную стужей. Я ночь не спал, ходил разбитый, но мыслил здраво. Меня терзала ожесточающая спесь. Что если пёс учуял что – то,... Что если он и вправду мой? Но у меня никогда не было желания завести собаку, зачем они мне? После гибели друга, я наотрез отказался заводить собак. У отца была привычка: после смерти одной собачатины, подыскивать на замену другую. Не мыслил он жизни без собак!

Глупые привычки, навевающие свободомыслие и желанием доказать, что собачатина – друг человека. Однако я не мог смириться с положением. Чего же я не знаю? Могу ли уверять себя, что должен непременно пойти туда, к железнодорожной станции, и обнаружить спящую собаку на том же месте, под вагоном. Мне нужно было потушить в себе пожар «скулящей» мысли, и пойти туда. Срочно!.. …Дойдя до тех вагонов, я увидел его. Он лежал на перепутье двух дорог, где расходились рельсы…. У входа в тоннель. Недвижимым, и отрешённым. По спине моей прошёлся холодок, и я почувствовал недоброе. Страх сковал меня, и я не мог пошевелиться. «Случилась беда. Я этого не стану отрицать», – послышалось в моей голове. Собрав всю волю в кулак, я подбежал к тоннелю и обнаружил окровавленное тело, впав в отчаянье, осторожно приближался к собаке. Сердце моё сжалось от боли, а ноги прижались к земле. Я пал на колени, и приложился к нему. Хаски еще был жив, но еле дышал. Пульс слабо бился, а из пасти сочилась кровь. Я попытался поднять голубоглазую овчарку, но Хаски рычал, стараясь освободиться от меня. Он дёрнулся всем телом, и жалобно заскулил. Высвободив из моих объятий ушибленные лапы, он пополз к тоннелю. - У тебя же перебиты лапы, кто тебя так? Что за изверг это сделал? Стало морозно, весна частенько подбрасывает такие драгоценные сюрпризы. Когда внезапно ты чувствуешь всю силу морозной стужи, наледь под ногами. Внезапно налетела снежная буря, немного покружив, запорошила землю. Опять вернулась зима… Похолодало. Пальцы мои заледенели, я не мог шевелить ими. Лицо обветрилось, губы посинели. Взяв горсть талого снега, я растёр зудящие руки – стало легче. Хаски безоглядно полз к тоннелю, стараясь как можно быстрее доползти до вагончика. Но не дошёл до входа, обессиленный, пал на снег, и окончательно затих. Я снял с себя пальто, и накрыл его. Сел рядом и прижал к себе, бережно держа за лапы. Он всё еще хрипел. - О Хаски, хаски. Чье ты творение? Кому ты послана? Неужели ты та хаски, чьим именем гордился мой отец, рассказывая нам о тебе с уважением… – Я вытер слёзы, и прилив воспоминаний слегка смягчили боль. – Он был похож на тебя! Такой же рослый и красивый. Со странной, непонятной привычкой, оставлять куски мяса на изгрызенной кости. Но тот пёс умер уже много лет назад, а кто же ты? Пустой обман? Видение? Мираж? О Хаски, Хаски. Прошу тебя – останься, побудь со мною еще немного, не уходи, не покидай меня, когда я здесь, с тобой на перепутье двух дорог. Я обнял пса, и не отпускал так долго, что затуманились глаза, и перестал я видеть. На перепутье между жизнью и смертью мне открылось одно: хозяин у благородного пса не должен быть одним и тем же человеком, их должно быть много. Их должно быть бесконечно много. Теперь я это знаю. Теперь я знаю наверняка!.. …Он растворился в моих руках, как полуденное Солнце в тиши. Как призрак, как явление, и я остался один на пустой Станции, окруженный мраком и тьмой. Я смутно понимал, где нахожусь. Была какая- то реальность, которую я не мог определить. Засыпая в полумраке,

не утолив свою печаль, я впал в отчаяние. Я перестал бороться. Меня сковал ужас и холод. Руки мои окоченели, тело обмякло, а лицо покрылось инеем. Я умирал.. Но вдруг по бескровному лицу прошёлся чей - то мокрый нос. И я увидел Хаски. Он предстал передо мной живым, полный сил и радости. Глаза мои заблестели от счастья. Я схватил пса в объятия, и не отпускал никогда. Всё расцвело и заблагоухало. Засверкали огоньки далёких мотыльков, блуждающих в открытом поле. И пробивались ручьи сквозь толщу снега. Снег таял на глазах, обнажая почву. Сквозь почву прорастала густая, продрогшая трава. Деревья покрывались листьями, небо светилось, а запах свежей росы наполнял благовонием Станцию, и согревал теплом наши озябшие тела. Затрепетало давно покинутое лето. КОНЕЦ